

Попова И.П.

Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск),
председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области
в почетной отставке

СОВРЕМЕННАЯ МОДЕЛЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ВОЗМОЖНА ЛИ ПОБЕДА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ?

Уголовно-процессуальный закон закрепляет процессуальную форму осуществления правосудия по уголовным делам, и именно в процессуальной форме должны быть определены оптимальные условия уголовного судопроизводства, позволяющие если и не достигать справедливости и восстановления нарушенных преступлением правоотношений, то во всяком случае отражающие стремление к этому и обеспечивающие соответствующую процедуру разрешения уголовно-правового конфликта, возникшего в связи с совершением преступления. Представляется, что разрешение конфликта в кратчайшие сроки, с минимальным карательным воздействием и максимальным восстановлением (по возможности) и (или) компенсацией причиненного вреда соответствует интересам всех участников уголовно-правового конфликта. По сути, в этом и заключается цель уголовно-процессуальной деятельности участников уголовного правосудия.

В каждый период своего существования государство, реализуя свои полномочия, с учетом исторического опыта прошлых лет и сложившихся общественных отношений отражает соответствующую модель правосудия по уголовным делам в законодательстве. Соответственно, изменение общественных отношений, в настоящее время характеризующихся имплементацией в национальное право норм международного права и реализацией взятых на себя нашим государством обязательств, находит или во всяком случае должно отражаться как в законодательстве, регламентирующем уголовное правосудие, так и в правоприменительной практике. Уголовное судопроизводство России обладает только ему присущими черта-

ми на основе национальных правовых традиций, сложившихся в результате собственного правового развития, на которые в настоящее время, бесспорно, оказывают влияние новые правовые институты и идеи других правовых систем в связи с интеграцией России в мировое правовое пространство. Но заимствовать сложившиеся модели, институты или технологии следует взвешенно, с учетом как инновационных, так и традиционных начал развития парадигмы современного уголовного правосудия.

Традиционное понимание последствие признания лица виновным включает осуждение обвинительным приговором с назначением наказания. В соответствии с ч. 1 ст. 43 УК РФ наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключающаяся в предусмотренном уголовным законом лишении или ограничении прав и свобод этого лица. В уголовном праве сущность наказания заключается в каре, под которой понимается «воздаяние злом за зло», «социально-государственный укор преступнику, его осуждение, порицание, выраженное в соразмерном воздаянии за совершенное им преступление»¹.

Этимологический словарь под редакцией М. Фасмера отмечает, что существительное «кара» произошло от глагола «корить» – укорять, упрекать, порицать, позорить кого-то за что-либо, и в своем первоначальном значении как существительное означало «осуждение», «порицание», «упрек», т.е. негативную оценку какого-то проступка и лица, его совершившего.² Правосудие, предусматривающее неотвратимость наказания как меры воздействия за пре-

ступление, рассматривается как карательное (punitive (retributive) justice), иначе – карательная модель правосудия в современной парадигме уголовного судопроизводства.

Однако, как показывают исследования, карательная модель правосудия не может выступать единственным способом реагирования на преступление, «курс на ликвидацию преступности, обусловленный чрезмерным оптимизмом в оценке ее исторических перспектив»³ привел в тупик стратегию борьбы с преступностью и к кризису уголовной политики. Вместе с тем следует согласиться, что «преступника исправляет не колония, а общество в целом»⁴, а А.С. Барабаш обоснованно в качестве существенного недостатка Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации отмечает, что среди задач, предлагаемых для модернизации системы уголовно-правовых последствий совершения преступления, находится карательная.⁵

О кризисе обозначенной концепции наказания высказываются и другие авторы. Так, К. Сесар писал, что «модель «преступление-наказание» отражает не столько нужды и интересы общества, сколько интересы уголовной юстиции»⁶, а Л.М. Карнозова рассматривает древнейший архетип «преступление-наказание» как препятствующий «институциональной фантазии», способной вывести на новые подходы.⁷

Примечательно, что поиск новых парадигм в уголовном правосудии других стран, возникновение и становление восстановительного правосудия практически совпали с обсуждением проектов УПК и судебной реформой в России. В последние десятилетия также отмечается рост внимания юридического сообщества, подкрепляемый нормотворчеством отечественного законодателя, к альтернативным способам разрешения уголовно-правового конфликта. В российском уголовном судопроизводстве альтернативные механизмы завершаются применением иных мер уголовно-правового воздействия или освобождением от уголовной ответственно-

сти или наказания. Спецификой так называемого «альтернативного правосудия» в российском уголовном судопроизводстве является то, что процессуальные решения принимаются только судом. При этом отдельные процессуальные решения, которые возможно рассматривать как альтернативу уголовного преследования, принимают лица, осуществляющие производство по уголовному делу в досудебном производстве, но без разрешения главного вопроса – вопроса виновности.

В связи с этим возникают закономерные вопросы: можно ли утверждать, что в современной парадигме российского уголовного судопроизводства существуют две модели: официальное правосудие и альтернативное правосудие, если вообще правосудие в соответствии с Конституцией РФ может осуществляться только судом (ст. 118), а никакие иные органы или общественные организации не могут принимать процессуальные решения по уголовному делу? Можно ли охарактеризовать парадигму российского уголовного судопроизводства как основанную исключительно на карательной модели, если в законе предусмотрены различные основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, и иные, помимо обвинительного приговора с назначением наказания, процессуальные решения, в которых реализуются меры реагирования государства на преступление? Возможно ли победить преступность, учитывая, что история этой борьбы, насчитывая многие века, так и не явила примеры каких-либо известных громких достижений на этом поприще?

Скорее всего, для терминологической ясности не следует рассматривать восстановительную модель как самостоятельную, противопоставленную современной модели уголовного судопроизводства России. Представляется очевидным, что наказание не может являться единственным средством реакции государства на преступление при положительном ответе на вопрос виновности, модернизация уголовного су-

допроизводства должна идти постепенно, и его реформа должна быть продуманной. Начавшаяся в 90-х годах прошлого века в России судебная реформа внесла существенные коррективы в регламентацию судопроизводства в целом и уголовного правосудия в частности, но когда эта реформа будет завершена, каковы ее дальнейшие стратегические направления – не ясно, поскольку даже такие концептуальные положения, как назначение уголовного судопроизводства, остаются остро дискуссионными.

В связи с этим многими авторами вполне обоснованно предлагается на основе изучения эволюционного развития национального законодательства и современных тенденций развития международного права выработать стратегию развития уголовно-процессуального законодательства⁸, поскольку только после определения основных векторов возможно осуществление назревших реформ.

Требуется последовательная оптимизация уголовного судопроизводства для восстановления нарушенной преступлением социальной справедливости, что, представляется, позволит не победить преступность, утопичность чего отмечается многими исследователями, а обеспечить достаточный уровень безопасности граждан и общества в целом. При этом в качестве цели может быть поставлено сохранение необходимого и приемлемого социального контроля над уровнем преступности, что влечет акцентирование внимания на превентивные меры, исследование и внедрение некарательного воздействия в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести. Сохраняют актуальность дальнейшие, в том числе ретроспективные, исследова-

ния теоретических воззрений, ориентированных на гуманизацию системы наказаний и мер процессуального принуждения, ресоциализацию виновных, возмещение причиненного ущерба и компенсацию вреда, возникших в результате уголовно-правового конфликта. Думается, что особо остро уголовное судопроизводство нуждается в выработке реальных процессуальных механизмов, позволяющих достигать указанных целей и соблюдать баланс частных и публичных интересов.

¹ См.: Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. СПб., 2005. С. 11, 33.

² См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. / пер. с нем. О.Н. Трубачева, М., 1986. С. 190, 320.

³ Чаадаев С.Г. Уголовная политика и преступность: проблемы, пути решения. М., 1991. С. 37.

⁴ Колоколов Н.А. 25 лет Концепции судебной реформы: утраченные иллюзии // Уголовное судопроизводство. 2016. № 4. С. 6.

⁵ См.: Барабаш А.С. Уголовно-правовая политика: объем понятия, идеологическая основа // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 2. С. 39-48.

⁶ Сесар К. Карательное отношение общества: реальность и миф // Правоведение. 1998. № 4. С. 171.

⁷ Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М., 2010. С. 137.

⁸ См.: Воскобитова Л.А. Реформа уголовного судопроизводства продолжается: знать бы направление // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 2 (2). С. 73-79; Дорошков В.В. К вопросу о стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI веке // Стратегии развития уголовного-процессуального права в XXI веке : материалы V Междунар. научно-практ. конференции (10-11 ноября 2016 г., г. Москва). М., 2017. С. 39-53; Масленникова Л.Н. Требования к стратегии развития уголовно-процессуального права современной России // Там же. С. 68-79.